

Значение Петра I для истории нашего отечества переоценить трудно. Традиционно мы видим Петра Великого в роли просветителя России, который «прорубил окно в Европу» и пролил на темную восточную страну свет образования, научного и технического прогресса. Правда, историки оговаривались, что эти успехи Петр совершал за счет усиления тенденций восточной деспотии и азиатских методов эксплуатации, которые в дальнейшем явятся значительным препятствием на пути этого же прогресса, но само стремление к европейскому духовному и техническому просвещению оценивалось такими именитыми учеными прошлого, как С.М. Соловьев, В.О. Ключевский и С.Ф. Платонов очень высоко. Всеми без исключения признается, что реформы Петра прямым образом повлияли на нашу современность со всеми ее преимуществами и недостатками, техническими успехами и революционными катастрофами.

В данной статье мы не будем обсуждать прогрессивность тех или иных реформ Петра Великого. Для нас важен духовный облик, в котором царь преподал себя, реформатора, своим православным соотечественникам.

Большинство историков тот факт, что современники Петра видели в нем воплощение антихриста, преподносят как курьез, возникший вследствие чрезмерной революционности культурных преобразований и религиозной консервативности русского народа. С этим можно было бы согласиться, если бы сам царь откровенно не подчеркивал в себе черты именно антихриста. Для современников Петра I его поведение было настолько ясным, как если бы он нарисовал на своем лбу три шестерки.

В раскольническом сочинении "Собрание Святого Писания об антихристе" давалась следующая оценка деятельности Петра I: «И той лжехристос нача превозноситься паче всех глаголемых богов, сиречь помазанников и нача величаться и славиться пред всеми, гоня и муча православных христиан, истребляя от земли память их, распространяя свою новую жидовскую веру и Церковь во всей России... приях на себя титул патриаршую, именовася Отцом Отечества и главой Церкви Российской и бысть самовластен, не имея никого в равенстве себе, восхитив на себя неточию царскую власть, но и святительскую и Божию, бысть самовластный пастырь, едина безглавная глава над всеми, противник Христов, антихрист...»

Все эти факты не только имели место, но и представлялись Петром сознательно в антихристовом духе. Так, действительно конец патриаршества пришел в 1721г., когда был создан т.н. «Святейший Правительствующий Синод», призванный заменить

единоличное патриаршее правление коллегиальным административным органом. Только в отличие от самостоятельного патриарха этот орган подчинялся Сенату, а фактическое управление осуществлял представитель царя обер-прокурор, причем монарх в официальной присяге Синода именовался «Крайним Судией». Таким образом, церковная власть сосредоточилась полностью в руках государя. Кроме этого официальный титул царя с этого времени включал в себя наименование «Отец отечества». В православной традиции так именовался только патриарх. Интересно, что церковный идеолог Петра митрополит Феофан Прокопович в своем труде «Розыск о понтификсе» ставил перед собой задачу специально обосновать, что в определенном смысле христианские государи могут называться «епископами» и «архиереями» (по преданию, потомки и приемники Петра I – Павел I и Александр I, основываясь на петровской традиции, даже совершали литургию). Все это говорит о том, что Петр по собственному произволу принял на себя святительскую власть. Интересно, что по учреждении Синода, духовенство поднесло Петру просьбу о назначении патриарха. Тогда-то (по свидетельству современников, графа Бестужева и барона Черкасова) Петр, ударив себя в грудь и обнажив кортик, сказал: «Вот вам патриарх». Так кощунственно ответил Петр на законное требование духовенства.

Но на «отце отечества» царь не остановился. В своих сочинениях апологеты Петра Феофан Прокопович и Феофилакт Лопатинский обосновывают тезис, что монархи суть «Бози и Христы». Причем эти сочинения редактирует и новоявленный император. И здесь речь идет опять же о сознательной подмене собой Христа. Так после победы над шведами в 1709г., в Москве Петра встречают словами церковного пения обращенного к Христу в Вербное воскресенье: «Благословен грядый во имя Господне, осанна в вышних, Бог Господь и явился нам...», т.е. Петр изображал Христа входящего в Иерусалим. Аналогично и при выходах Петра из Спасского монастыря его встречали пением «Осанна в вышних...», т.е. опять-таки обращались к нему как к «богу». И это не только официально, но и в быту. Феофан Прокопович встречает царя, явившегося с ночной пирушки с друзьями, словами тропаря: «Се жених грядет во полунощи»; а Б.П. Шереметьев, рисуя в письме Петру картину пьянства по случаю известия о рождении у царя сына (1715г.), берет образ из евангельского повествования о сошествии Святого Духа на апостолов. Причем известны случаи религиозного почитания Петра. Так, сподвижник Петра инвалид Кириллов держал портрет Петра посреди образов в красном углу и поклонялся ему как иконе. А некто Крекшин обращался к своему кумиру в форме молитвенного славословия: «Отче наш, Петр Великий! Ты нас от небытия в бытие привел...».

Но всю сатанинскую подоплеку антицерковной деятельности Петра высвечивает так называемый «Всешутейший собор», который не может восприниматься иначе, как издевательство и глумление над церковью и церковной службой.

С целью дискредитирования Патриарха и вообще церковных властей Петром был создан "всешутейший, сумасброднейший и всепьянейший собор" князя Иоаникиты, Патриарха Пресбургского, Яузского и всего Кокуя. При патриархе Пресбургском находилось 12 кардиналов, епископов и архимандритов, составленных из числа самых больших пьянчуг и безобразников Москвы и Кокуя — Московской иностранной слободы. Все эти лица носили с одобрения Петра прозвища, которые, по словам историка Ключевского, никогда не смогут появиться в печати". Ларец для хранения бокалов являлся копией переплета Евангелия. "Одним словом, — пишет Ключевский, — это была неприличнейшая пародия церковной иерархии и церковного богослужения, казавшаяся набожным людям пагубой души, как бы вероотступлением, противление коему — путь к венцу мученическому".

Вот как описывает в своем "Дневнике" Корб, секретарь посольства австрийского императора Леопольда, знаменитый "Всешутейший Собор" Петра Первого. Дело было в Москве, в 1699 году, во время страшного розыска и казни стрельцов, когда Петр, по словам Пушкина, был "по колена в крови".

"Февраль 21. — Особа, играющая роль Патриарха, со всей труппой своего шутовского духовенства праздновала торжественное посвящение богу Вакху дворца, построенного царем и обыкновенно называемого дворцом Лефорта. Шествие, назначенное по случаю этого обряда, выступило из дома полковника Лимы. Патриарха весьма приличное облачение возводило в сан Первосвященника: митра его была украшена Вакхом, возбуждавшим своей наготой любовные желания; Амур и Венера украшали посох, чтобы показать какой паствы был сей пастырь. За ним следовала толпа прочих лиц, изображавших вакханалию: одни несли большие кружки, наполненные вином, другие — сосуды с медом, иные — фляги с пивом, с водкой, последним даром в честь Сына Земли. И как, по причине зимнего времени, они не могли обвить свои головы лаврами, то несли жертвенные сосуды, наполненные табаком, высушенным в воздухе, и, закурив его, ходили по всем закоулкам дворца, выпуская из дымящегося рта самые приятные для Вакха благоухания и приличнейший фимиам... "

Важно отметить, что в это якобы карнавальное действие включались подлинные элементы сакрального обряда. Так, во время потешной свадьбы «патриарха» (1715г.) чин венчания совершал в церкви настоящий священник, девяностолетний старец. Замечательно, что не только наблюдатели, но и сами участники подобных действий могли воспринимать их как нечто аналогичное черной мессе, т.е. как обряд, имеющий сатанинскую сущность. Например, князь И.И. Хованский так выражает свое настроения после петровских шабашей: «имали меня в Преображенское и на генеральном дворе Микита Зотов ставил меня в митрополиты, и дали мне для отречения столбец, и по тому письму я отрицался, а в отречении спрашивали меня вместо «веруешь ли» «пьешь ли», и

тем своим отречением я себя и пуще бороды погубил, что не спорил, и лучше мне было мучения венец принять, нежели было такое отречение чинить».

Надо отметить, что все эти вакханалии имели далеко не закрытый элитный характер. Наоборот, часто эти представления происходили прямо на городских улицах, приводя в шок воспитанный в религиозном благочестии русский народ.

Нет необходимости подробно останавливаться на фактах насильственного брадобрития и замена русского платья немецким. Надо только сказать, что брадобритие и немецкое платье приобретали особый смысл в глазах современников, поскольку в соответствующем виде изображали на иконах бесов. Т.е. Петр, по словам современников, «нарядил людей бесом». Брадобритие могло непосредственно связываться с еретичеством: патриарх Филарет соборно проклинал «псовидное безобразие», против него выступали и оба патриарха петровского времени – Иоаким и Адриан. Что касается немецкого платья, то показательно, что в 1652г. иностранцем в России было запрещено одеваться в русское платье. С другой стороны немецкое платье было маскарадным, шутовским. Это разительно изменилось при Петре. Теперь шутовским является платье русское (например, свадьба шутов Шанского и Кокошкина празднуется в русском платье).

Ко всему этому следует прибавить открытое гонение на монашество, которое являлось столпом православной жизни. По сути, без монашества нет православия. Петр I, как отмечают историки, относился к монашеству с неприкрытой враждой. В конце концов, 26 января 1723 г. он издал указ, в котором велит «отныне впредь никого не постригать, а на убылые места определять отставных солдат». Реформа монашества изменила его православную суть. Монастыри перестают быть центром молитвы, подвига и связью с миром, а превращаются в монастырские богадельни, лазареты, теряют свой собственный смысл. Вся крайность петровского утилитарно материалистического воззрения сказалась в этой реформе монастырей. От монахов требовалось лишь материальное служение обществу, а их духовное служение считалось излишним, а порой вредным. Все это привело к упадку монастырей. Это видно из доклада Синода в 1740 г.: "много монастырей без монахов, церкви монастырские без служб; некого определять к монастырским службам ни в настоятели, ни в школы для детей". Монашество уменьшалось, и Синод опасался, чтобы оно совсем не исчезло в России. Такая реформа современниками могла восприниматься как самые настоящие антихристовы гонения.

Все эти факты могут говорить лишь о том, что Петр I сознательно публично заявлял о себе, что он антихрист. Воспитанный в традиционной русской культуре XVII в. он не мог

не знать, как воспримет простой народ его «просветительскую деятельность». Но, тем не менее, петровская европеизация носила подчеркнута антихристову символику. Поэтому нельзя сказать, что подданные неправильно поняли своего царя. Можно много рассуждать о причинах такого психологического поведения Петра. Однозначно можно указать только на протестантское влияние немецкой слободы. Ключевский прямо характеризует слободское окружение Петра, как сборище «отбросов» европейского общества. Там он мог заразиться не только протестантским вольнодумством, но и масонством (интересен факт, что русские масоны ведут свою генеалогию от Петра) и самым что ни на есть язычеством. Духовное содержание всех его преобразований носит однозначно антиправославный антихристианский характер. А значит, с точки зрения православного историка, вся деятельность Петра Великого для судьбы России имела исключительно негативные последствия. Самое страшное, что вначале его преемники заразили этим европейским духом новое поколение аристократии, которое увлеклось западным вольнодумством, а та в свою очередь растлила неверием народные низы. По сути – это и привело Россию через 200 лет к большевистской революции.

Иерей Алексей Чаплин